

УДК 81.372.462
DOI 10.17223/18137083/56/3

Е. В. Бешенкова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва*

Вариативность, узальная норма и политика нормализаторов

Рассматривая письмо как саморазвивающуюся систему, развитие которой обусловлено и объективными факторами, и субъективным – деятельностью кодификаторов, мы определяем, какой должна быть политика орфографистов сегодня, а также их отношение к узальным вариантам. В структурно-системной части вариативность возникает в предсказуемых точках: 1) где возможна двоякая интерпретация орфографически значимых единиц, 2) где возможно действие тенденции к унификации и дифференциации, 3) где системное противопоставление нейтрализуется, 4) где проявляется асимметричность системы. Политика орфографистов не кодифицировать варианты оценивается как единственно оправданная во всех случаях, кроме третьего. В случаях третьего типа одной из возможностей является признание допустимости вариантов с оценкой их предпочтительности.

Ключевые слова: орфография, узальная норма, кодифицированная норма, политика кодификаторов.

Почему иногда кодификация не совпадает с узальной нормой? Почему орфографические словари практически не дают вариантов? В чем причины такой политики орфографистов и целесообразна ли на данном этапе смена этой политики? В статье мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Отношение кодификатора к узальной норме, к вариантам, существующим в узусе, зависит прежде всего от того, как он оценивает свою роль в процессе функционирования нормы: или как простого фиксатора сложившейся в узусе ситуации; или как диктатора, указаниям которого должны следовать все пишущие, претендующие на статус грамотных; или как субъективного фактора объективного процесса, реальная роль которого определяется и целенаправленностью его собственных усилий, и особенностями социальной и языковой ситуации.

Мы рассматриваем письмо как саморазвивающуюся систему (этот подход реализован, например, в [Некипелова, 2014; Пиотровский, 1966; Wildgen, 1990]). Раз-

Бешенкова Елена Виленовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия; ruslang@ruslang.ru)

вие такой системы письма обусловлено рядом объективных факторов и субъективным фактором – деятельностью кодификаторов. Рекомендации кодификатора во многом определяются его целью – обеспечить письменную коммуникацию сегодня и понимание текстов какого-то числа предыдущих поколений. Теоретически существует несколько разных способов достичь этого: сохранить существующую систему, сознательно изменить ее или вести письмо к чисто традиционному. И хотя анализ орфографической кодификации последних десятилетий показал, что нормализаторы часто шли за узусом, закрепляя противоречащие системе варианты, все-таки их целью и сегодня остается сохранение и укрепление существующей системы. Именно с таких позиций мы будем рассматривать и оценивать разные типы узуальных вариантов и возможные решения кодификаторов.

Русское письмо состоит из структурно-системной и асистемной частей. Структурно-системная часть письма – область, в которой действуют строго детерминированные правила (т. е. правила-предписания), асистемная часть письма – область, для которой или нет правил, или они вероятностные (правила-руководства, правила-закономерности), или есть правила, но они бездействуют. В структурно-системной части тоже есть области, где строго детерминированные отношения ограничены. Во-первых, это области, в которых написание слова зависит от выбора одной из двух возможных трактовок орфографически значимой единицы. Во-вторых, это области, в которых системное противопоставление орфографически значимых единиц может при определенных условиях нейтрализоваться. Во всех этих случаях, как и в асистемной области, письмо обладает высокой степенью вариативности. Функционируют системная и асистемная части письма, как оказалось, весьма по-разному. Важное различие состоит в том, что в системной части письма варианты в основном возникают в предсказуемых точках, обусловленных антиномиями системы, в асистемной части мы можем говорить только о некоторых вероятных точках возникновения колебаний, но ни исчислить, ни предсказать их мы не можем. Разные причины колебаний, их разная системная значимость обуславливают и разное к ним отношение кодификаторов.

В системной области выделяются следующие причины колебаний и соответствующие им типы областей вариативного письма.

1. Двоякая системная интерпретация орфографически значимых единиц – в узусе написание слов этой группы распадается на два полюса устойчивого написания, соответствующих одной или второй трактовке, и область вариативного написания. Кодификатор выбирает одну из возможных трактовок для каждого конкретного случая, ориентируясь и на зыбкий узус, и на ближайшие прецеденты. Вводить в данном случае вариативное письмо нецелесообразно, так как оно не будет соответствовать узуальной норме с ее полюсами устойчивого написания и меняющейся зоной вариативности. Однако в такой ситуации не исключена и перекодификация при установлении узуальной нормы, не совпадающей с кодифицированной.

Например, правописание единиц с первым компонентом, совпадающим с самостоятельным существительным на *-о*, *-е* (*кофе*, *эхо*, *соло*), определяется трактовкой этой единицы: либо это единица с соединительной гласной, в случае типа *кофе* совмещенной с финалью (см. [Köhler, 1987, § 585, прим. 2]), либо это самостоятельное несклоняемое слово без соединительной гласной в составе сочетания существительного с приложением (как, например, трактуется единица *соло* в [Русская грамматика, 1980, § 120, п. 2]). Та или иная трактовка единицы определяет выбор орфографического правила: либо это правило о написании сложных существительных с соединительной гласной (такие единицы пишутся слитно – *эховзвесь*), либо это правило о написании сочетаний существительных с приложением (такие единицы пишутся через дефис – *эхо-фраза*). Слова данного типа не-

однозначно интерпретируются и исследователями, и носителями языка, что в свою очередь ведет не только к возникновению разных написаний слов с одной и той же первой частью (*кофемашина, кофезаменитель, кофе-пресс, кофе-автомат, кофе-брейк, кофе-пауза, кофе-порошок, кофе-суррогат*), но и к возникновению вариативности как в узусе (например, в узусе встречаются и в дефисном и в слитном написании слова *эхо(-)взвесь, эхо(-)признаки, эхо(-)контакт, эхо(-)пеленгатор, эхо(-)регистрация, эхо(-)прибор, эхо(-)репитер*), так и в кодификации. В результате в узусе установилась типичная картина функционирования области письма с двоякой трактовкой: одна группа слов с устойчивым слитным написанием (например: *эгофутурист, эгоцентризм, эгодефектоскоп, эхоконфренция, эхоподавитель, эхопеленг, эхоофтальмограф, эхотомоскоп*), другая – с устойчивым дефисным написанием (например: *эхо-фраза, эго-психология, эго-состояние*) и третья группа слов с вариативным написанием, с предпочтением того или иного варианта или без такового (например: *эхо(-)взвесь, эхо(-)контакт, эхо(-)пеленгатор, эхо(-)подавление, эхо(-)почта, эхо(-)прибор, эхо(-)признаки, эхо(-)процессор, эхо(-)регистрация, эхо(-)репитер*). Допустим, кодификатор при выборе нормативных рекомендаций учитывает эту сложившуюся в узусе картину и кодифицирует варианты. Маловероятно, что это приведет к стабилизации системы и узуса, так как вариативная группа весьма неоднородна, многие слова тяготеют к одному из полюсов, т. е. один из вариантов более частотен. Сегодня кодификаторы волюнтаристским способом принимают то или иное решение для каждого конкретного случая, но не варианты. При этом разные словари могут принять разные решения для одних и тех же слов (*эхо-волна* [РОС 1999; РОС 2005] – *эховолна* [ТСРЯ; РОС 2012]). Это, конечно, возможно только при отсутствии единого центра определения кодифицированных норм. Волюнтаристское решение, принятое в некоторый момент времени, может и не совпасть с установившейся в результате узуальной безвариативной нормой, и тогда кодификаторы вынуждены менять свои рекомендации (так, в [РОС 2012] все слова с первой частью *эхо* пишутся слитно). Любая перекодификация отрицательно сказывается на авторитете нормализаторов, но и признание вариативного написания как кодифицированной нормы тоже может привести к необходимости перекодификации при установлении безвариативного написания в узусе.

2. Следующей причиной возникновения колебаний в написании является действие тенденции к унификации и тенденции к дифференциации. Действие этих тенденций проявляется, в частности, в функционировании тех областей письма, где есть группы слов-исключений из правил или подправила-исключения: в узусе появляются варианты, обусловленные либо подравниванием исключений под общее правило, либо подравниванием под исключения, т. е. и та и другая область может стать аттрактором.

Например, колебания испытывают некоторые слова с соединительными гласными, обозначающие единицы измерения, т. е. слова, входящие в подправило-исключение (*машино-место / машиноместо, нормо-смена / нормосмена*). Слова этого типа, выходящие в сферу общего употребления, подравниваются под общее правило и начинают писаться слитно (*молокозавод*), при этом сохраняя в специальных текстах устойчивое дефисное написание. Поэтому данные варианты кодификаторы оценивают как узуальные, хотя и системно оправданные, и не меняют рекомендаций. Отметим все же, что уже давно два таких слова были введены как исключения в подправило-исключение – это *трудодень* и *трудочас*.

Наблюдения над узусом выявили особенности функционирования слов с соединительной гласной, похожих по своему строению на отдельные слова-исключения (*угро-финны, татаро-монголы*). Было проверено реальное написание в узусе 49 слов, обозначающих лиц, принадлежащих межнациональным, межсоциальным, межпартийным и т. п. сообществам. Некоторые слова из этой группы

устойчиво употребляются либо в вариативном написании, либо в противоречащем правилу написании. Данные узуса (со всеми поправками на особенности сбора этих данных в электронной поисковой системе) показывают, что дефисные написания преобладают для большинства этих слов, но не для всех. Из 49 проанализированных слов помимо трех узаконенных исключений еще 18 слов пишутся чаще против правила. В 11 случаях написание чаще соответствует правилу. В остальных случаях написание в узусе вариативно без преимущества того или иного варианта (хотя пять из них имеют давнюю словарную кодификацию). Преимущественно в слитном написании встречаются слова *англо(-)саксы* и *англо(-)африканцы*, а также слова с первой частью *афро* (с равной встречаемостью контакта и дефиса – только слово *афро(-)европейцы*, чаще дефисное написание у словечка *афросамурай*, встречающегося только при описании героя одноименного аниме). Почти одинаковой встречаемостью обоих написаний (разницу в два-три раза считаем несущественной, хотя эта разница в основном в пользу дефисного написания) характеризуются слова: *англо(-)австралийцы*, *англо(-)канадцы*, *англо(-)католики*, *англо(-)саксонцы*, *балто(-)славяне*, *германо(-)швейцарцы*, *испано(-)американцы*, *романо(-)германцы*, *сербо(-)хорваты*, *франко(-)швейцарцы*, *франко(-)канадцы* (в текстах последних десятилетий слово *сербохорваты* практически не встречается).

В такой ситуации вводить в списки исключений даже слова, устойчиво пишущиеся против правила или вариативно, нецелесообразно, так как это не приведет к стабилизации, а только усилит притягательность полюса исключений. Хотя именно так поступили кодификаторы со словами с первой частью *анархо*. Термин *анархо-синдикализм* отмечен в правилах 1956 г. (§ 79, п. 2) [Правила..., 1956], в «Русский орфографический словарь» [РОС 2005] введено слово *анархо-терроризм*, а старые, зафиксированные ранее слова *монархофашизм* (и *монархофашист*), *коммунопатриот*, *коммунофашист*, *австромарксизм*, *автрославизм* даются в ином – слитном – написании. В современном узусе слова этого типа, т. е. обозначающие составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников, также пишутся часто дефисно. Так, *монархо(-)фашизм* употребляется преимущественно дефисно, для *коммуно(-)фашизма* характерна вариативность написания без явного преимущества одного или другого, колеблются и другие слова этого типа: *анархо(-)фашизм*, *анархо(-)национализм*, *анархо(-)либерал*, *анархо(-)террорист*. Вводить всю группу, обладающую определенным семантическим или каким-либо другим признаком, и создавать подправило-исключение тоже нельзя: спорно как само выделение общего признака, так и целесообразность такого введения.

Единственной целесообразной политикой орфографистов и в разобранном случае, и во всех аналогичных нам представляется все-таки неувеличение числа исключений. Хотя приходится констатировать реальное увеличение кодификаторами списка исключений во всех правилах (это и перекодификация слова с соединительной гласной: *мажоро-минор*, и введение в [РОС 2012] дефисного написания сложносокращенных слов: *культур-менеджер*, *масс-старт*, *масс-спектр* (и производные), *почт-директор* (ср. *почтдиректор* [БАС; Ефремова]), *пресс-...* (*пресс-бюро*, *пресс-конференция*, *пресс-релиз*, *пресс-центр* и др.), *риелт-бюро*, *соц-арт*, *социал-...* (*социал-демократ*, *социал-патриот*, *социал-революционер*, *социал-реформатор*, *социал-шовинизм* и др.), *стрип-...* (*стрип-бар*, *стрип-балет*, *стрип-клуб*, *стрип-танцовщица*, *стрип-шоу*), *эротик-шоу*, *этикет-пистолет*, *этикет-лента*, *этикет-принтер*, *яхт-клуб*) и др.).

3. Третьей причиной появления вариантов написания является наличие позиций, в которых значимое для письма системное противопоставление нейтрализуется. В позиции нейтрализации письменная манифестация определяется нормой, а у нормы есть три возможности: 1) выражать системное противопоставление од-

ним из элементов противопоставления, 2) выбрать третий элемент, 3) допускать наличие и того и другого вариантов.

Например, анализ функционирования слов с отрицанием в позиции нейтрализации системного противопоставления частицы и приставки *не* показал, что узуальная норма реализует все эти три возможности: одни слова пишутся устойчиво слитно, другие – устойчиво раздельно, а третьи – вариативно. Анализ количественного соотношения сформировавшихся аттракторов и колеблющейся зоны показал, что соотношение аттракторов разное у разных категорий слов. Полные прилагательные в контекстах нейтрализации имеют два приблизительно равномоощных полюса: полюс устойчивого слитного написания (*неблагонадежный, неблагополучный, неблагоприятный, небезынтересный, непоследовательный, не востребованный, необщительный* и т. п.) и полюс устойчивого раздельного написания (*не бессмысленный, не больной, не вечный, не взрослый, не виноватый, не голодный, не холодный, не сытый* и т. п.) и меньшую зону вариативного написания. Например, среди полных форм прилагательных на букву *в* устойчивое раздельное написание имеют 50 слов, устойчивое слитное – 51, а вариативное написание – 15. Аналогичная картина в написании наречий-предикативов. А вот среди кратких форм прилагательных всего несколько слов устойчиво пишутся слитно (*неохоч, недурен, незауряден*), остальные употребляются либо раздельно (*не голоден, не короток, не мал, не свят*), либо вариативно (*не верен / неверен, не властен / невластен*). Среди наречий образа действия, наоборот, преобладают лексемы с устойчивым слитным написанием. В данной области письма, как и во всех областях с нейтрализацией системного противопоставления, единственным способом нормирования остается словарь. Чтобы уменьшить степень нестабильности письма в данной области, можно предложить словарную кодификацию нового типа, показывающую и узуальные предпочтения, и нормативные рекомендации, выработанные на основе определения исторической тенденции. Ретроспективный анализ, насколько позволяют судить исторические материалы НКРЯ¹, показал, что изменения на протяжении двух столетий идут в сторону увеличения слитного написания (ср. раздельное написание в XIX в. слов, которые сейчас пишутся слитно или вариативно: *Облака наплывали с океана, не видного за лесом. Сказанное ею и другим будет не бесполезно послушать. Ему не ведом страх. Голова его только-только превысила уровень первой полки, повешенной, в сущности, очень не высоко. Однако это очень не желательно для крестьян-охотников*).

4. Еще одной системной причиной появления вариантов является несимметричность самой системы.

Например, правило о написании начальных гласных *и/ы* корня после приставки на согласный построено на двух принципах: для слов с русским приставками (кроме *сверх, меж*) соблюдается позиционный (слоговой) принцип русского письма (*предынфарктный*), а для слов с иноязычными приставками соблюдается принцип сохранения единства написания морфемы (*постинфарктный*). В современном письменном узусе без колебаний или почти без колебаний подчиняются правилу слова с корнями *-игр-, -иск-, -им-, -имен-(-имян-)*, а также *безызвестный, безыдейный, безызлучательный, безынициативный, надындивидуальный, подынтегральный, подытожить* (но: *подытог* и *подитог*), *обызвествление, обыностраниться, симпровизировать*. Остальные слова в узусе либо пишутся вариативно (например: *безызыанный* и *безизыанный, безыллюзорный* и *безиллюзорный, безындукционный* и *безиндукционный, безынтегральный* и *безинтегральный, безысключительный* и *безисключительный, предынсультный* и *прединсультный, предыстория* и *предистория*), либо вопреки правилу с буквой *и* в корне после русской приставки (например: *безиглый, безиммунитетный, безиндикаторный, безинст-*

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru>

рументальный, безинфляционный, безинформативный, надинтегральный, надиндекс, подиндекс, подиздержаться, отиллюстрировать). Здесь полученная картина функционирования нормы с двумя аттракторами и областью колебаний между ними характерна для функционирования письма без правил. Это говорит о том, что правило в его нынешнем виде не работает. Кодификаторы и в 60-е гг., и в 90-е пытались это правило изменить, и нам представляется целесообразным его скорректировать, согласовав с узальной нормой.

Функционирование письма в точках асимметрии проиллюстрируем еще на примере написаний слов с графически значимым слогоразделом. Функцию разделительного знака, т. е. знака, манифестирующего, могут выполнять буквы *ь* и *ъ* (*чьи, лисье, чьё, чья, обезьяна, подъячий, разъехаться, разъём, разьять, фельдъегерь*), дефис (*блиц-ярмарка, гоф-юнкер*), пробел (*зам. юрисконсульта*). А в сложносокращенных словах это отделение не манифестируется на письме вовсе (*детясли*). С другой стороны, буква *ь* обладает и другими функциями. Как результат, на практике письма появляются самые разнообразные ошибки. Анализ и их типология приведены в работе [Глазков, 1995]. В данной области орфографисты пытались частично выровнять ситуацию и изменить написание сложносокращенных слов, но изменение не было принято обществом. Наличие колебаний в узусе в данном случае объективно обусловлены, поэтому, если нашей целью и впредь будет сохранение устойчивой системы, те или иные изменения вводить придется.

Таким образом, анализ областей письма, для которых существуют правила, показал их неоднородность, что и предопределяет разную политику орфографистов в разных типах областей.

Асистемная область, т. е. область письма без правил или с неработающими правилами, с неполной или неадекватной словарной кодификацией, также показывает разные сценарии функционирования.

1. В одних случаях письмо без правил может быть вполне устойчивым, хотя при наличии дихотомий колебания могут возникнуть при появлении новых слов (*седушка / сидушка*), при изменениях орфографически значимых различий в значениях (*отщепнуть / отщипнуть*).

2. В других случаях (например, написание *н / nn* в кратких отглагольных прилагательных) мы видим господство хаоса без заметных тенденций к упорядочению.

3. В третьих случаях (например, в области сложных прилагательных или словосочетаний с первым компонентом, совпадающим с самостоятельным наречием на *-о, -е*) при значительной доли вариативности все-таки выделяются аттракторы (для данного примера – категории второй части), есть тенденция к упорядочению и частичной самоорганизации материала (*активно действующий – сильнодействующий*).

Приведенное сравнение разных сценариев функционирования письма без правил и по правилам показало, что, во-первых, письмо по правилам не является и не может являться раз и навсегда установившимся, что и сегодня оно в некоторых областях устойчиво, а в некоторых выявляет зоны колебаний. Отсутствие колебаний означало бы прекращение действия антиномий письма, его движущих сил. Во-вторых, письмо без правил также в некоторых областях функционирует достаточно успешно и правила в данных случаях нужны больше кодификаторам для сохранения системы при введении кодификации новых слов. В других случаях письмо без четкого правила приводит к хаосу, причем хаос в узусе находит отражение и в разногласии словарей. Кардинальным отличием функционирования письма по правилам и без правил является предсказуемость появления неустойчивых зон в письме по правилам, в возможной сознательной коррекции нормы, правила, в конечном счете – в сохранении системы. В-третьих, выявленные типы

сценариев установления и функционирования нормы в орфографии ничем не отличаются от сценариев установления и функционирования морфологических и др. языковых норм. Это еще раз показывает, что письмо не является и не может являться «одеждой языка», вотчиной кодификаторов.

Тем не менее нормализаторы, будучи одним из факторов развития этой системы, сознательно формируют свою политику управления письмом, опираясь на выявленные закономерности саморазвивающейся системы в системной и асистемной областях. Степень влияния нормализатора на асистемные области зависит от степени организованности этих областей: чем больше степень самоорганизации, тем легче ее установить, поддерживать и направлять.

Список литературы

- Глазков А. В. Правила о разделительных и неразделительных знаках в «нормативной» и «ненормативной» орфографии // Русский язык в школе. 1995. № 1.
- Некипелова И. М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: Механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект). Москва; Ижевск, 2014.
- Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Сер. 2. М., 1966. № 12.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
- Köhler R. Synergetic linguistics // Theoretical Linguistics. 1987. Vol. 14, N 2–3. P. 241–257.
- Wildgen W. Basic principles of self-organization in language // Synergetics Cognition / Ed. by H. Haken, M. Stadler. Berlin: Springer Verl., 1990. P. 415–426.

Список словарей

- БАС – Большой академический словарь русского языка. СПб., 2004.
- РОС 1999 – Русский орфографический словарь: Ок. 160 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина. М., 1999.
- РОС 2005 – Русский орфографический словарь: Ок. 180 000 слов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2005.
- РОС 2012 – Русский орфографический словарь: Ок. 200 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М., 2012.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Ефремова – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. М., 2006.

E. V. Beshenkova

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russian Federation
ruslang@ruslang.ru*

Variants, usual way of writing, codification and policy of orthographers

We consider the written way of communication as a self-developing system. The development of such a system is due both to a number of objective factors and to the subjective factor, a codifier activity. We define what should be the policy of codifiers today, their attitude to-

wards orthographic variants. The policy depends on the type of the causes of variability. Variants can be the results of double interpretations of linguistic components, the tendency to unification and differentiation, neutralization of systems dichotomy, system's asymmetry. Only in the case of neutralization, is it expedient to codify variants, marking their preference.

Keywords: orthography, standard usage, codification, policy of codificators.

DOI 10.17223/18137083/56/3

References

Glazkov A. V. Pravila o razdelitel'nykh i nerazdelitel'nykh znakakh v «normativnoy» i «nenormativnoy» orfografii [The rules of separators and non-separators symbols in «normative» and «non-normative» orthography]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1995, no. 1.

Nekipelova I. M. *Organizatsiya, samoorganizatsiya i dezorganizatsiya yazykovoy sistemy: Mekhanizmy optimizatsii yazyka i rechi (sinergeticheskiy aspekt)* [Organization, self-organization and disorganization of the language system: Mechanisms of optimization of language and speech (synergistic aspect)]. Moskva, Izhevsk, 2014.

Piotrovskiy R. G. *O lingvisticheskoy sinergetike. Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [About linguistic synergy. Scientific and technical information]. Pt 2, no. 12, Moscow, 1966.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Russian rules of orthography and punctuation]. Moscow, Ucpedgiz, 1956.

Shvedova N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1, Moscow, 1980.

Köhler R. *Synergetic linguistics. Theoretical Linguistics*. 1987, vol. 14, no. 2–3, pp. 241–257.

Wildgen W. *Basic principles of self-organization in language. Synergetics Cognition*. Ed. by H. Haken, M. Stadler. Berlin: Springer Verl., 1990, pp. 415–426.

Dictionaries

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of Russian language]. St. Petersburg, 2004.

Lopatin V. V. (ed.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 160 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 160,000 words]. Moscow, 1999.

Lopatin V. V. (ed.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 180 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 180,000 words]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2005.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 200 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 200,000 words]. 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2012.

Shvedova N. Yu. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of Russian language including information about the origin of words]. Moscow, 2007.

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of Russian language in 3 volumes]. Vol. 1, Moscow, 2006.